

ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан*

Межевич Н. М.^{1, *}, Шевчук Н. В.¹, Сеник Н. М.¹, Го Шухун²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

²Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены основные проблемы дальнейшего развития кооперации между странами — участницами ШОС на фоне движения мирового сообщества в сторону многополярности. Приведено обоснование необходимости пересмотра традиционных подходов к оценке результатов реформ на постсоветских территориях на примере Узбекистана. Проанализированы уже достигнутые стратегические цели развития Республики Узбекистан, обозначены перспективы стратегического сотрудничества между Узбекистаном и основными странами — членами ШОС. На основе проведенного исследования авторы делают вывод о том, что участие Узбекистана в ШОС является стратегическим фактором усиления экономической, энергетической, военной и демографической безопасности региона.

Ключевые слова: ШОС, Узбекистан, региональное развитие, евразийская интеграция, стратегическое планирование

Для цитирования: Межевич Н. М., Шевчук Н. В., Сеник Н. М., Го Шухун. ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 68–78.

SCO and Strategic Development Goals of the Republic of Uzbekistan

Nikolay M. Mezhevich^{1, *}, Nina V. Shevchuk¹, Nikita M. Senik¹, Guo Shuhong²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *mez13@mail.ru

²Dalian University of Technology, Dalian, People's Republic of China

ABSTRACT

This article considers the main problems of further development of cooperation between the SCO member states against the background of the movement of the world community towards multipolarity. The justification of the need to revise traditional approaches to assessing the results of reforms in the post-Soviet territories on the example of Uzbekistan is given. The strategic development goals of the Republic of Uzbekistan that have already been achieved are analyzed, the prospects for strategic cooperation between Uzbekistan and the main SCO member states are outlined. Based on the conducted research the authors conclude that Uzbekistan's participation in the SCO is a strategic factor in strengthening the economic, energy, military and demographic security of the region.

Keywords: SCO, Uzbekistan, regional development, Eurasian integration, strategic planning

For citing: Mezhevich N. M., Shevchuk N. V., Senik N. M., Guo Shuhong. SCO and strategic development goals of the Republic of Uzbekistan // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 68–78.

* Работа выполнена при частичной поддержке проекта Министерства образования КНР («Влияние военного конфликта между Россией и Украиной на экономическое сотрудничество стран ШОС и предложения», 2022-N20).

Постсоветская интеграция — важный, но не единственный вариант сотрудничества в Евразии. Большие инициативы, превышающие постсоветские рамки, неоднократно выдвигались КНР [6]. Следует помнить, что Шанхайская организация сотрудничества сформировалась на базе «Шанхайской пятерки». «Шанхайская пятерка» существует с 1996 г., со времени проведения первой встречи руководителей пяти государств. Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, составляющие Совместную Сторону, и Китай, далее именуемые Сторонами, подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Важно обратить внимание на особый статус Китая в данной организации.

За два десятилетия ШОС выросла из предшествующей ей «Шанхайской пятерки» до крупнейшей межправительственной международной организации с сохраняющимся высоким потенциалом расширения числа стран-участниц. ШОС уже прошел дилемму выбора между макрорегиональным и региональным вариантами повестки дня ШОС. Первоначально в задачи ШОС входило решение ряда конкретных вопросов сугубо регионального характера. Сегодня деятельность организации, по всей видимости, может иметь макрорегиональные и в отдельных случаях даже глобальные последствия [3]. С другой стороны, достижения выглядят на бумаге гораздо более убедительно, чем в реальности. «Организация все еще больше сфокусирована на национальных целях, чем на коллективных, потому что интересы членов ШОС крайне различны. Китай, например, ищет рынки сбыта продукции своей быстрорастущей экономики наряду с поиском энергетических ресурсов, в то время как цели России базируются на попытках Москвы возобновить лидерство на международной арене. Кремль хотел бы использовать ШОС, чтобы продвигать антизападные идеи, но другие участники организации во главе с Китаем и Казахстаном хотят расширения своей, и так значительной, кооперации с Западом»¹. Впрочем, последнее предложение — позиция приближенных к НАТО экспертов. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества предполагает работу в формате регионального многостороннего объединения государств, особого по масштабу географического охвата. Государства ШОС демонстрируют заинтересованность в стабильном политическом и экономическом развитии Евразийского региона, в его безопасности [9]. В последние восемь лет, при этом, усилилась совокупность новых вызовов безопасности [13].

Как и во многих других международных объединениях, основой для сплочения в рамках ШОС служили не только сопряженные интересы, но и соседство. Совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе — было и остается основным направлением сотрудничества и ключевым приоритетом для Организации. Региональный характер четко прослеживается и в расширении ШОС: в 2017 г. к России, Казахстану, Китаю, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану присоединились Индия и Пакистан, а в настоящее время полноправное членство обретает Иран, до этого — наблюдатель. Таким статусом при ШОС сегодня обладают Афганистан, Монголия и Беларусь. Последняя, по словам президента А. Лукашенко, планировала официальное членство достаточно давно², и в настоящее время, после Самаркандского саммита, эта задача достигнута.

По составу членов и наблюдателей ШОС мы можем увидеть, что общей для этой группы государств является принадлежность к странам, граничащим с Россией и Китаем. Но по составу партнеров по диалогу ШОС можно увидеть географический

¹ Евросоюзу и НАТО пора объединяться с «шанхайцами» // Информационно-аналитический портал «НАТО.РФ»/ 23/11/2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80azep.xn--p1ai> (дата обращения: 22.09.2022).

² А. Лукашенко: Беларусь рассчитывает получить членство в ШОС уже через год [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/721741.html> (дата обращения: 26.09.2022).

рост стратегической глубины Организации. Если до сего года статусом партнеров обладали Иран, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка, то уже после самаркандского саммита это еще и Египет, Катар и Саудовская Аравия. Кроме того, в скором времени будет оформлено диалоговое партнерство с Бахрейном, Мальдивами, Кувейтом, ОАЭ и Мьянмой.

Эксперты не исключают, что ШОС может выйти и за пределы Евразии. В таком случае не исключено формирование формата ШОС+, которое будет включать партнерство между экономиками ШОС и региональными группами, и странами других континентов¹.

Хотя принято считать, что изначально объединение создавалось для общей борьбы с международным терроризмом, наркотрафиком и другими угрозами безопасности, сегодня выраженным вектором международного сотрудничества в рамках ШОС является экономика. Надо отметить, что разработанный еще в 2004 г. институт наблюдателя, а позже, в 2008, и институт партнерства по диалогу ШОС закладывали основы для развития организации в сторону универсальности. Так, в «Положении о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества» указано, что партнерство открыто для государств или организаций, желающих установить с Организацией отношения равноправного взаимовыгодного партнерства и сотрудничать с ШОС по отдельным направлениям деятельности².

Сегодня Организация справедливо рассматривается экспертами как важнейшее объединение крупнейших стран незападного мира, занимающее свое место в одном ряду с БРИКС. В целом в наши дни стало выраженным трендом формирование так называемого «сетевого мира», когда на фоне ослабления ООН и ее ключевых институтов, а также девальвации авторитета международного права и идей глобального управления, государства создают партнерства, призванные объединять усилия в решении конкретных проблем, с одной стороны, и формирующие систему взаимодействия на основе собственных правил и договоренностей — с другой.

Такая «сетевая модель», увы, еще больше подчеркивает фрагментацию мира на региональные звенья и углубляющий раздел между, скажем, так называемым коллективным Западом и условным «Не-Западом», и еще большее и, надо признать, вынужденное, отдаление от идей многополярности. Однако, в условиях слома прежнего мирового порядка и попыток навязывания миру доминирования одной державы, ШОС и БРИКС, большинство участников которых заинтересованы в многополярности, все же встраиваются в складывающуюся «асимметричную биполярность» и обретают принципиально новое стратегическое значение для России и ее партнеров.

Географическое расширение, политический вес и экономический потенциал обеих организаций нарастает пропорционально давлению, оказываемому Западом. Это дает основание экспертам предрекать формирование из ШОС и БРИКС, включая их вспомогательные «плюс-форматы», новой организующей силы, способной в будущем заместить ослабевающую ООН³. Представляется, что такой оптимизм не должен мешать одновременному осознанию вызовов, которые объективно тоже будут нарастать с ростом Организации. Увеличение числа участников любой плат-

¹ Лисоволик Я. Чего ожидать от расширения членства ШОС? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chego-ozhidat-ot-rasshireniya-chlenstva-shos/?sphrase_id=540260 (дата обращения: 22.09.2022).

² Положение о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: https://bcscsco.ru/files/docs/polozhenie_o_parnere_po_dialogu_shos.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

³ Баканова М. ШОС — 2022 как синдром отмены метамодерна [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/35862/?sphrase_id=93460806 (дата обращения: 26.09.2022).

формы неизбежно ведет и к усложнению сопряжения интересов, и к возможному столкновению таковых [14]. Мы исходим из того, что в рамках ШОС взаимодействуют страны, чьи двусторонние отношения осложнены неурегулированными конфликтами. И для этих целей ключевым игрокам в ШОС предстоит наращивать и потенциал взаимовыгодных всеобъемлющих проектов.

Укажем на ключевые проблемы ШОС. Они диагностированы давно. Обратим внимание на данную версию китайской позиции. Сюй Тункан участник Форума ШОС еще в 2008 г. признал то, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС разворачивается медленно, и подчеркнул, что если ШОС не уделит достаточное внимание экономическому аспекту своей деятельности, то как международная организация она будет обречена на провал. Для исправления ситуации он еще в 2008 г. предложил следующие меры:

- 1) усиление политической воли для продвижения уже принятых планов сотрудничества. ШОС — молодая организация, и поэтому сотрудничество в таких областях, как политика, безопасность и экономика тесно связаны с дальнейшим развитием этой Организации;
- 2) снижение пошлин и таможенных тарифов для улучшения показателей товарооборота;
- 3) проведение на экспертном уровне исследования реальной экономической ситуации и экономического потенциала государств — членов ШОС;
- 4) ускорение создания Фонда развития ШОС и укрепление Межбанковского объединения ШОС как механизмов финансирования программ экономического сотрудничества в ШОС [15].

И последнее в этой части статьи. Западное экспертное сообщество удивительно консолидированно ответило на шанхайские инициативы. Было предложено две схемы. Первая. Преуменьшать роль ШОС как организации. Вторая преувеличивать противоречия между участниками. Совет по международным отношениям «Минский диалог» и белорусский офис Фонда им. Конрада Аденауэра свою позицию сформулировали достаточно четко, правда, как обычно «Минский диалог» — не более чем ретранслятор немецкой пропаганды: «Растущее соперничество великих держав и конкурирующие концепции регионального порядка приведут к тому, что Китай и Россия попытаются перетянуть страны-участницы на свою сторону. Однако, учитывая разнообразие государств-членов, существующие конфликты и самопровозглашенную концепцию невмешательства во внутренние дела, ШОС не обеспечит институциональные рамки для преодоления фундаментальных разногласий и несовпадения интересов стран-участниц»¹. Исключения есть, но их немного [12].

Центральная Азия — важнейший регион Евразии [2; 5; 7; 8; 10]. Интерес Узбекистана к участию в ШОС закономерен, в частности благодаря внешнеполитической составляющей: дальнейшее расширение партнерства с Индией, Китаем и особенно Россией может стать не только мощным драйвером усиления международного статуса Узбекистана², но и помочь стране в борьбе с коррупцией в инвестиционной сфере³.

Региональная безопасность — еще одна важная составляющая сотрудничества Узбекистана со странами — членами ШОС. Переоснащение узбекской армии, име-

¹ Меркле Д. ШОС: между региональной интеграцией и расходящимися интересами в Евразии // Минский диалог 14, 15.07.2020.

² Мирзиёев Ш. М. Новый Узбекистан — страна демократических преобразований, больших возможностей и практических дел. Интервью Президента Республики Узбекистан газете «Янги Узбекистон» от 17 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prezident.uz/> (дата обращения: 22.09.2022).

³ Ибрагимов Г. Инвестиционная политика Узбекистана: динамика и общая ситуация [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/galiya-ibragimova-investitsionnaya-politika-uzbekistana-dinamika-i-obshhaya-situatsiya> 27.02.2018 (дата обращения: 22.09.2022).

ющей значительную численность, современными видами вооружения позволило бы в значительной степени гарантировать геополитическую стабильность региона¹.

Трудовые ресурсы Узбекистана в сочетании с интенсивной разработкой полезных ископаемых делают страну привлекательной для международных инвестиционных проектов². Реформы последних лет убедительно стимулируют узбекское население к участию в этих проектах, как в качестве работников, так и в роли со-инвесторов [16, с. 94–95]. Причем почти 30% совместных проектов приходится на долю инвесторов из бывших республик СССР [11, с. 443]. Указанные процессы идут на фоне неуклонной индустриализации страны, развитии областей применения ноу-хау и стартапов [4, с. 399].

Участие Узбекистана в ШОС в значительной степени компенсирует отсутствие выхода страны к морю [1, с. 57].

Следует отметить, что традиционно для описания процессов реформирования планового хозяйства бывших республик СССР использовался термин «переходная экономика», предполагавший замену административно-командной системы хозяйствования рыночными механизмами, причем за идеал реформаторами зачастую некритично принималась рыночная экономика коллективного Запада образца 80-х годов прошлого века.

Однако последние годы со всей очевидностью продемонстрировали, что трансформация системы хозяйствования на постсоветском пространстве далеко отошла от первоначально намеченного пути, причем некоторые республики, в частности, коррупционно-олигархическая бывшая УССР, никогда на этот путь и не вставали. Кроме того, сам идеал «рыночности» западных экономик к 2022 г. значительно потускнел, давно сменившись экономической моделью, основанной на планомерной эксплуатации дешевых природных и трудовых ресурсов тех самых регионов с «переходной экономикой» и стран «третьего мира».

Поэтому при оценке сегодняшнего состояния экономики Узбекистана необходимо понимать, что такая оценка в современных условиях детерминирует необходимость если не кардинального пересмотра, то, как минимум, осторожного отношения к традиционным показателям результативности «рыночных» реформ на тех или иных постсоветских территориях.

Например, реальный ВВП (с учетом паритета покупательной способности в ценах 2017 г.) на душу населения в Узбекистане увеличился с 1990 по 2021 г. с 3,7 тыс. до 7,7 долл. США, что является одним из самых скромных достижений среди бывших советских республик³. Соседний Казахстан за тот же период увеличил аналогичный показатель с 13,5 до 26 тыс. долл., не говоря уже о феноменальном результате Литвы — рост с 14,7 до 39 тыс. долл. США⁴.

Но за тот же период население Литвы снизилось с 3,7 (1990 г.) до 2,8 (2021 г.) млн человек, то есть республика потеряла почти 1 млн чел. — около трети ее населения⁵, а население Узбекистана увеличилось на 12,6 млн чел. (в 1,6 раза)⁶. По приросту населения Узбекистан является абсолютным рекордсменом среди бывших

¹ Плотников Д. С. Центральная Азия в контексте мировой политики : учеб. пособие // Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет 2020. С. 18 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/plotnikov-centralnaya-asia-v-kontekste-mirovoj-politiki.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

² Плотников Д. С. Там же. С. 23.

³ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ Там же.

⁵ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ Там же.

республик СССР, а по количеству населения (34,9 млн чел.) страна находится на третьем месте после России и Украины, значительно опережая Казахстан (19 млн чел.) и Белоруссию (9,3 млн чел.)¹.

Причем государству при таком значительном увеличении населения на фоне скромного ВВП удастся обеспечивать достойный уровень жизни. Согласно интернет-порталу numbeo.com, «в сентябре 2022 г. Вам понадобится около 1890 евро в Ташкенте, чтобы поддерживать тот же уровень жизни, который вы можете иметь с 3000 евро в Вильнюсе»². Потребительские цены и стоимость арендной платы в Ташкенте на 37% ниже, чем в Вильнюсе, цены в ресторанах ниже на 44%, на продукты питания — на 28%³.

Конечно, среднемесячная заработная плата (после уплаты налогов) в Вильнюсе (1180 евро) значительно больше, чем в Ташкенте (328 евро)⁴. Однако жизненный уклад узбеков (семейность, развитое натуральное хозяйство) в совокупности с условно-бесплатной медициной и дешевой электроэнергией (благодаря наличию широкой сети гидро- и теплоэлектростанций) позволяет лучше организовать и оптимизировать потребление домохозяйств. Такое качественное обеспечение базового набора потребностей положительно сказывается на устойчивости экономики и приросте населения.

Мерой поддержки национальной экономики также является стимулирование государством трудовой миграции. Частные переводы в Узбекистан из-за границы растут каждый год. В 2021 г. эта сумма составила 6,9 млрд долл. США⁵. По состоянию на июнь 2022 г. 1,5 млн узбеков трудились за границей, причем 1 млн из них приходился на РФ⁶.

Следует отметить, что в отличие от таких соседей, как Казахстан, Узбекистан избегал экономической либерализации и сумел сохранить основные характеристики плановой экономики. Малый бизнес и розничная торговля были быстро приватизированы, но стратегические отрасли — сельское хозяйство, добыча ископаемого топлива, энергетика, транспорт и услуги, а также предприятия, участвующие в них, — оставались под контролем государства, равно как и внешняя торговля и банковское дело.

Унаследованная от советской эпохи экономическая структура Узбекистана базируется на трех китах: во-первых, специализация в сельском хозяйстве, особенно в хлопководстве, на долю которого приходилось более 60% производства СССР. Во-вторых, совокупность природных ресурсов страны (уран, золото, нефть и газ), которые способны приносить значительный доход за счет экспорта. И, в-третьих, легкая промышленность, ориентированная в основном на нужды сельского хозяйства, которая позволяет производить внутри страны основные товары народного потребления. Все перечисленное в совокупности с сохранением государственного контроля позволило Узбекистану достичь самодостаточности в стратегических отраслях экономики, высокой степени социальной стабильности и обеспечить рост ВВП с 75 млрд долл. в 1990 г. до 270 млрд долл. США в 2021 г.⁷ (табл. 1, 2).

¹ Там же.

² [Электронный ресурс]. https://www.numbeo.com/cost-of-living/compare_cities.jsp?country1=Lithuania&country2=Uzbekistan&city1=Vilnius&city2=Tashkent&tracking=getDispatchComparison (дата обращения: 26.09.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD?locations=UZ> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ Министерство экономического развития и сокращения бедности республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconomy.uz/ru/news/view/4325> (дата обращения: 26.09.2022).

⁷ С учетом паритета покупательной способности в постоянных международных долларах 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=UZ-LT-KZ-BY> (дата обращения: 22.09.2022).

**Основные характеристики отраслей промышленности Узбекистана
по итогам 2020 г. [1, с. 63]**

Table 1. The main characteristics of the industries of Uzbekistan according to the results of 2020

Отрасли промышленности	Удельный вес, %	Млн долл.	ИФО (г/г)
Производство продуктов питания	11,5	4215,9	108,7
Производство текстильных изделий	9,9	3603,5	115,4
Производство автотранспортных средств, трейлеров и полуприцепов	9,2	3353,7	99,8
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	9,0	3282,2	78,1
Электроснабжение, подача газа, пара и кондиционирование воздуха	7,4	2704,7	112,5
Производство химической продукции	5,7	2081,0	106,7
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	4,5	1652,4	108
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	3,0	1106,5	99,5
Производство одежды	2,8	1015,7	105,3
Производство электрического оборудования	2,3	829,4	105,3
Производство напитков	2,0	726,9	103,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий	1,9	690,3	108,4
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	1,9	679,3	114,8
Производство машин и оборудования, не включенных в другие категории	1,2	430,0	95,8
Производство компьютеров, электронной и оптической продукции	0,9	340,8	170,6
Производство основных фармацевтических продуктов и препаратов	0,7	239,3	113,4
Производство мебели	0,6	237,1	102,4
Производство бумаги и бумажной продукции	0,6	228,9	108,4
Водоснабжение; канализация, сбор и утилизация отходов	0,6	215,9	92,1
Производство табачных изделий	0,5	194,0	99,4
Производство кожаной и относящейся к ней продукции	0,5	164,6	99,3
Производство прочих готовых изделий	0,4	160,8	105,7
Ремонт и установка машин и оборудования	0,4	138,5	101,7
Производство деревянных и пробковых изделий (кроме мебели), изделий из соломки и материалов для плетения	0,4	132,0	74,9

Отрасли промышленности	Удельный вес, %	Млн долл.	ИФО (г/г)
Печать и воспроизведение записанных материалов	0,3	115,3	80,5
Производство прочего транспортного оборудования	0,3	97,1	112,9
Обрабатывающая промышленность	83	30 307,0	107,1
Промышленность	100	36509,8	100,7

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели Узбекистана [1, с. 62]

Table 2. The main macroeconomic indicators of Uzbekistan

Показатель	2017	2018	2019	2020
Население (млн чел. на начало года)	32,7	33,3	33,9	34,6
Занятое население (млн чел.)	13,5	13,3	13,5	13,2
Уровень безработицы (% рабочей силы)	5,8	9,3	9	10,5
ВВП (млрд долл.)	59,2	50,4	57,7	57,7
ВВП (прирост в % г/г)	4,5	5,4	5,8	1,6
Валовое накопление основного капитала (% ВВП)	25,6	32,9	40,9	37,1
Инфляция (% г/г на конец периода)	14,4	14,3	15,2	11,1
Основная ставка (% на конец периода)	14	16	16	14
Курс сума к доллару США (на конец периода)	8120	8340	9508	10 477
Курс сума к доллару США (в среднем за период)	5114	8070	8837	10 054
Внешний долг (% ВВП)	26,3	33,9	42	57,8
Внешний государственный долг (% ВВП)	12,7	19,9	27,2	36,5
Сальдо государственного бюджета, + = профицит (% ВВП)	0,1	-0,2	-1,1	-2,3
Сальдо текущего счета (% ВВП)	2,5	-7,1	-5,8	-5,4
Сальдо внешней торговли товарами (% ВВП по данным платежного баланса)	-3,7	-13,6	-12,6	-10,8
Чистый приток ПИИ (млрд долл.)	1,8	0,6	2,3	1,7
Золотовалютные резервы (млрд долл.)	28,1	27,1	29,2	34,9

В 2021 г. основными отраслями Узбекистана стали: сельское, лесное и рыбное хозяйство — 23% от ВВП и обрабатывающая промышленность — 20% от ВВП (в основном — металлургическая, производство текстильных изделий и продуктов питания)¹. Среди торговых партнеров Узбекистана лидируют Россия и Китай. Оборот экспорта в 2021 г. составил: Китай — 2,5 млрд долл. США, РФ — 2,1 млрд долл. США, Турция — 1,7 млрд долл. США, Казахстан — 1,2 млрд

¹ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/ishlab-chiqarish-sanoatining-tarkibi?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

долл. США¹; импорта: РФ — 5,5 млрд долл. США, Китай — 4,9 млрд долл. США, Казахстан — 2,7 млрд долл. США, Южная Корея — 1,8 млрд долл. США, Турция — 1,7 млрд долл. США². В структуре экспорта лидируют промышленные товары — 26% в 2021 г. (пищевые продукты и живые животные — только 8,2%)³. В структуре импорта лидируют машины и транспортное оборудование — 32%, промышленные товары — 19% и химические вещества — 14%⁴. Структура торгового баланса Узбекистана указывает на постепенную индустриализацию страны.

Узбекистан активно привлекает иностранные инвестиции, особенно в сфере энергетики и добычи полезных ископаемых. Наиболее крупными текущими инвестиционными проектами являются: «Расширение Шуртанского газохимического комплекса (полиэтилен/полипропилен)» — 1,84 млрд долл. США, «Ветроэлектростанция в Зарафшанском районе Навоийской области» — 1,8 млрд долл. США, «Разработка Тебинбулакского железорудного месторождения» — 1,6 млрд долл. США.

Слабыми сторонами Узбекистана являются зависимость от импорта зерна, недостаток воды, теневой характер и клановость экономики.

Таким образом, считаясь аутсайдером рыночных реформ на постсоветском пространстве, Узбекистан подошел к череде кризисов 2019–2022 гг. с гораздо более значительным объемом прочности, нежели другие бывшие республики СССР. Закрытость экономики, отсутствие широкой либерализации, жесткий государственный контроль неожиданно оказались плюсами. Высокий уровень продовольственной и энергетической безопасности с высокой долей вероятности позволит Узбекистану пережить зиму 2022/2023 г. с наименьшими потерями для экономики. Успехи в демографической политике в совокупности с традиционным умением населения обеспечивать себе комфортный уровень жизни при невысоком доходе позволят республике в ближайшей перспективе стать как трудовым донором, так и привлекательным для инвестиций регионом. Территориальная близость и экономические связи с Афганистаном дают Узбекистану перспективу выступить в качестве нового активного актора на Ближнем Востоке.

В общем и целом, если нивелировать относительную закрытость узбекской экономики, можно сделать вывод о том, что Узбекистан уверенно реализует стратегические цели своего развития на пути взаимовыгодного сотрудничества со странами — членами ШОС.

Литература

1. *Винокуров Е. Ю., Цукарев Т. В., Ахунбаев А., Бабаджанян В. И др.* Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции. Доклады и рабочие документы 21/2. М.: Евразийский банк развития. 2021. 74 с.
2. *Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 55 с.
3. *Дун Х.* Национальные интересы Китая и России в рамках ШОС // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1121.
4. *Зиядуллаев Н. С.* Императивы экономического возрождения нового Узбекистана // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 4. С. 395–404. DOI: 10.18334/asia.5.4.114529.

¹ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/tashqi-savdo-export-mamlakatlar-boychicha?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

² [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/tashqi-savdo-import-mamlakatlar-boychicha?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

³ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/eksport-tarkibi-xsst-2008?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ [Электронный ресурс]. <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/import-tarkibi-xsst-2008?lang=ru&format=xlsx> (дата обращения: 26.09.2022).

5. *Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители* / [В. В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2013. 64 с.
6. *Комиссина И. Н., Куртов А. А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Кожокина Е. М. М. : РИСИ, 2005. 117 с.
7. *Маккамбаев П. А.* Современное состояние формирующейся системы региональной безопасности Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 3. С. 273–296. DOI: 10.18334/asia.5.3.112997.
8. *Малашенко А. В.* Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? Моск. Центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 118 с.
9. *Ожигина В. В.* Структурные изменения торговли ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и ЕС // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 1. С. 50–66. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-50-66.
10. *От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона* / отв. ред. А. А. Кривопапов. М. : Научный эксперт, 2016. 114 с.
11. *Талипова Н. Т.* Влияние иностранных инвестиций на экономику Узбекистана // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 4. С. 439–446. DOI: 10.18334/asia.5.4.113940.
12. *Файгенбаум Э.* Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 6. С. 122–131.
13. *Фань С.* Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и их проблемы для борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05.
14. *Шанхайская организация сотрудничества после расширения: риски, возможности и перспективы* / сост.: Т. Т. Султанов, отв. ред.: Б. К. Султанов. Алматы : ИМиРС КНУ, 2018. 142 с.
15. *Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию* : (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.) / под ред. А. В. Лукина. М. : МГИМО (У), 2008. 145 с.
16. *Ялыгин Д. Ю.* Центральная Азия в 2020-е гг.: вопросы, прогнозы, предпосылки экономического развития // Экономика Центральной Азии. 2020. Т. 4. № 2. С. 89–100. DOI: 10.18334/asia.4.2.110259.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, заведующий Научно-исследовательской лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шевчук Нина Викторовна, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; shevchuk-nv@ranepa.ru

Сеник Никита Михайлович, ведущий специалист Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); seninik@ya.ru

Го Шухун, профессор Даляньского политехнического университета (Далянь, Китайская Народная Республика), доктор экономических наук, профессор; lenaguo@dlut.edu.cn

References

1. Vinokurov E. Y., Tsukarev T. V., Akhunbaev A., Babadzhanyan V. at al. Uzbekistan and the EAEU: prospects and potential effects of economic integration. Reports and working papers 21/2. М. : Eurasian Development Bank. 2021. 74 p (in Rus).
2. Dadabaeva Z. A., Kuzmina E. M. Processes of regionalization in Central Asia: problems and contradictions: Scientific report. М. : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 55 p (in Rus).
3. Dong H. National interests of China and Russia within the SCO // Bulletin of Moscow State Regional University [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universitet]. 2022. N 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1121 (in Rus).
4. Ziyadullayev N. S. Imperatives of the economic revival of the new Uzbekistan // Economy of

- Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 4. P. 395–404. DOI: 10.18334/asia.5.4.114529 (in Rus).
5. Russian interests in Central Asia: content, perspectives, restraints / [V. V. Naumkin, etc.]; [Chief Editor I. S. Ivanov]; Russian Council on International Affairs (INF). M. : Spec-kniga, 2013. 64 p (in Rus).
 6. Komissina I. N., Kurtov A. A. Shanghai cooperation organization: the formation of a new reality / ed. Kozhokin E. M. M. : RISS, 2005. 117 p (in Rus).
 7. Makkambayev P. A. The current state of the emerging regional security system of Central Asia // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 3. P. 273–296. DOI: 10.18334/asia.5.3.112997 (in Rus).
 8. Malashenko A. V. Central Asia: what is Russia counting on? M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. 118 p (in Rus).
 9. Ozhigina V. V. Structural changes in trade EAEU, ASEAN, SCO and EU // International trade and trade policy. 2018. N 1. P. 50–66. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-50-66 (in Rus).
 10. From Turkestan to Central Asia: the political future of the region / ed. A. A. Krivopalov. M. : Scientific Expert, 2016. 114 p (in Rus).
 11. Talipova N. T. Impact of foreign investment on the economy of Uzbekistan // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2021. Vol. 5. N 4. P. 439–446. DOI: 10.18334/asia.5.4.113940 (in Rus).
 12. Feigenbaum E. Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia // Russia in Global Politics [Rossiya v global'noi politike]. 2007. Vol. 5. N 6. P. 122–131 (in Rus).
 13. Fan S. Existing mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and their problems to combat unconventional security challenges // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2021. Vol. 16. N 1. P. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05 (in Rus).
 14. Shanghai organization of cooperation after expansion: risks, opportunities and prospects / comp.: T. T. Sultanov, ex. ed.: B. K. Sultanov. Almaty : IMIRS KNU, 2018. 142 p (in Rus).
 15. Shanghai Cooperation Organization: from formation to comprehensive development: (materials of the Third meeting of the SCO Forum, China, Beijing, May 19–21, 2008) / edited by A. V. Lukin. M. : MGIMO (U), 2008. 145 p (in Rus).
 16. Yalygin D. Yu. Central Asia in the 2020s: issues, forecasts, prerequisites for economic development // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2020. Vol. 4. N 2. P. 89–100. DOI: 10.18334/asia.4.2.110259 (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Nina V. Shevchuk, Leading Researcher of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; shevchuk-nv@ranepa.ru

Nikita M. Senik, Leading Specialist of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); seniknik@ya.ru

Guo Shuhong, Professor of Dalian University of Technology (Dalian, People's Republic of China), Doctor of Science (Economics), Professor; lenaguo@dlut.edu.cn